

На рубеже тысячелетий, с выходом больших поэм, многие открыли в Юрии Кузнецове выразителя честной гражданской позиции и просветленного религиозного чувства. Сердечный приступ унёс в 2003 году жизнь поэта, истинный смысл слов которого Россия только начала познавать. Более сорока лет он работал глубоко, напряжённо, — не ради суетной славы и ничего не делая напоказ. Поэтому даже сегодня очень многие узнают его творчество впервые, многим только предстоит услышать о нём.

Её открыл выдающийся ученый и педагог, ректор Литинститута Борис Николаевич Тарасов. Он напомнил, что с конца шестидесяти Литинститут стал для Юрия Кузнецова настоящим домом. Здесь он учился, преподавал. Бывшие ученики с большой благодарностью вспоминают о его уроках. И этот человек, отметил ректор, уникален как поэт метафизического значения. Мы всё яснее видим: явление, называемое Юрий Кузнецов, не знает берегов.

Тютчева за «косноязычие», под которым следует понимать неумение найти дорогу к сердцу народа: Многие выступающие в разговоре о творчестве Кузнецова затрагивали кардинальные вопросы бытия. В.И. Гусев опре...

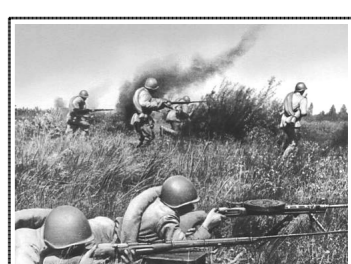
Многие выступающие в разговоре о творчестве Кузнецова затрагивали кардинальные вопросы бытия. В.И. Гусев определял (можно вспомнить, что в одном из произведений поэта Гуттенберг помещен в Аду. Интересно выступил П.В. Пали...

Не проворонить бы Россию — Родные милые места. Хотел Кузнецов или нет, он продолжалет. И он, думается, прав. Гений ежедневно не рождаются. Даже в России.

А.В. Панкова назвала Кузнецова принадлежащим к мировой поэзии, которой понятие прошлого, настоящее и будущее, и выделила главное, определяющее характер поэта: независимость. Эта позиция оказалась созвучна мыслям Сергея Кунычева, высказанным в докладе «Вадим Кожин и Юрий Кузнецов — пересекающиеся миры»: хотя их многое связывало, критик не давал себе воли проникнуть в мир поэта-Кузнецова; у него был какой-то предел понимания этого дара.

Неслучайно стихотворение 1975 года «Прощание с Вадимом Кожинным» в первом варианте называлось просто «Прощание». Представляется, что в какой-то момент Кузнецов сумел выйти из «тумана мировой полукультуры» и стал более крупным политическим мыслителем, чем Кожин, чья основная заслуга перед русской культурой заключается не в историософских построениях, а в его стремлении сплотить и опекать поэтов кузнецовской школы.

Юбилею Победы

1945 2010
Лев Рябчиков

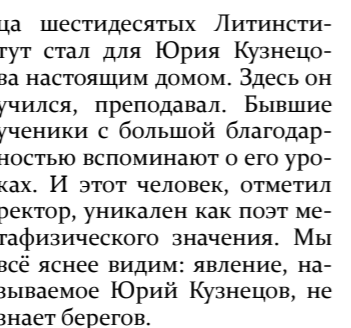
Без вести пропавшие

Может быть, Карнилов и Васильев, Выступив все пули во врагу, До укрытий тетра не ослили, Рынули б на землю на безу, Их, возможно б, торопясь, зарыли, Как иных, в горячей снег войны, Где зарыли, скоро бы забыли, — В том солдат тех не было бы выны, Главное — пропать в люду пору Космопольской смерти задыр. Но не так, когда по приговору Их убили в замылок коивою. А они ведь — мальчишки что надо, Их стихи впитались в плоть и кровь, И про них написаны «Гренады», Песни про войну и про любовь, Быстро путь они прошли к закату, Как приговорённые к вине... Думайте о них — как о солдатах, Без вести пропавших на войне.

Переделино, 17-18 марта, 2010

«XXI ВЕК — ЗА ТОБОЙ. И НАДОЛГО»
(очерк IV научно-практической конференции, посвящённой творческому наследию Ю.П. Кузнецова)

Не зря в глухом пренебрежении К святым распеваем старины Он лютеран богослужение Любил смотреть со стороны.

ца шестидесяти Литинститут стал для Юрия Кузнецова настоящим домом. Здесь он учился, преподавал. Бывшие ученики с большой благодарностью вспоминают о его уроках. И этот человек, отметил ректор, уникален как поэт метафизического значения. Мы всё яснее видим: явление, называемое Юрий Кузнецов, не знает берегов.

Свою миссию Юрий Кузнецов видел в том, чтобы приблизить к современному читателю классику. У него была мечта заново перевести Гомера. «Сотворившего», которое предпринял Кузнецов, переложив на современный русский язык «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, посвятив доклад профессор Твверского университета В.А. Редкин. Он обратил внимание на очень смелый прием: Юрий Кузнецов изменил жанр прозы изведения, преобразив публицистическое «Слово» в поэму. По мнению докладчика, эту работу можно считать предтечей поэмы «Путь Христа».

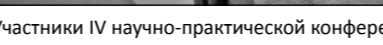
О сложной системе оптических линз в поэзии Кузнецова, включающей в себя и «небо», говорил В.Ю. Винников (газета «Завтра»). Ответственный редактор журнала «Подъём» В.Д. Лютый посвятил своё выступление художественным чертам поэмы Кузнецова «Рай», выделив мысль о том, что мистический божественный мир произнан всепрощением Божиим и что у Кузнецова можно попасть в Рай из Ада, где искушению поддаётся лишь плотский человек.

делит народ как создателя материальных и духовных ценностей; С.А. Небольсин, анализируя стихотворения Кузнецова «Федора» и «Аннота», обратил внимание, как Кузнецов выделит два качества русского народа: с одной стороны, крылатость, полёт, с другой — гениальную способность саботировать всё ложное и фальшивое, зовущее якобы вперед. Геннадий Иванов заметил, что если Владимир Соколов «устал от двадцатого века», то «Кузнецов нашёл калитку, через которую смиренно вошёл в XXI век».

Секретарь Союза писателей Лола Зварнева размышляла о методах популяризации поэзии Кузнецова в школе. В.Г. Бондаренко, В.В. Огрызко, И.И. Ростовцева, М.Н. Аввакумова, Ю.М. Лоцик, И.Н. Тюленев, В. Шапошников делились воспоминаниями о Юрии Кузнецове. Очень интересно выступила ученица поэта Марина Гах, заметившая, что все гении глубоко национальны, ибо понимают народ на генном уровне. Она рассказывала, как трактовала на своём поэтическом семинаре Юрий Кузнецов понятия «Родина — Отчизна — Отечество».

евский, заявивший, что Кузнецов отторгал от себя Тряпкина и Рубцова, «поэтов русской резервации», ибо понимал Россию как мировое явление, решающее проблемы вселенского уровня. Думается, Кузнецов прошёл сложный путь исканий, в который — когда во благо, когда во вред — вмешались и некоторые теоретико-литературоведы, соблазнавшие его понятиями то «мифа», то

был лидером направления, которому с лёгкой руки Кожина дали наименование «тихой лирики» и которое, конгенитально деревенской прозе, послужило актом самопознания русского народа в тяжелейший момент его истории. Юрий Кузнецов в предельно концентрированной форме обобщил всё, что пытался выразить Соколов и Прансолов, Рубцов и Аввакумова... А. Передерев ещё в 1968 году писал Кузнецову:

Участники IV научно-практической конференции по творчеству Ю. Кузнецова

«архетипа», то «вразийства». «Мы поедем во Францию-город На руины великих идей», — говорил поэт. Но он же с презрением описывал Петrarку, высокомерно отыгавшего о славах, и в стихотворении «На Родине Тютчева» предостерег:

Выступив все пули во врагу, До укрытий тетра не ослили, Рынули б на землю на безу, Их, возможно б, торопясь, зарыли, Как иных, в горячей снег войны, Где зарыли, скоро бы забыли, — В том солдат тех не было бы выны, Главное — пропать в люду пору Космопольской смерти задыр. Но не так, когда по приговору Их убили в замылок коивою. А они ведь — мальчишки что надо, Их стихи впитались в плоть и кровь, И про них написаны «Гренады», Песни про войну и про любовь, Быстро путь они прошли к закату, Как приговорённые к вине... Думайте о них — как о солдатах, Без вести пропавших на войне.

«Ты помнил тех далёких, но живых, Ты победил косноязычие мира, И в наши дни ты поднял лиру их, Хоть тяжела классическая лира!»

В стихотворении «Классическая лира» Кузнецов сурово сказал, что не видит своих

Ольга ОВЧАРЕНКО, доктор филологических наук, член Союза писателей России

Философия Блудилина-Аверьяна

Откуда добро? Откуда зло? Что такое добро? Что такое Ум, откуда он взялся? Мне эти вопросы представляют основополагающими... И. Блудилин-Аверьян.

Эта статья — о цикле книг «Эхо и Его» И. Блудилина-Аверьяна, о цикле, который рождает много вопросов и который автор не успев завершить. Это цикл особый, исполненный напряжёнными духовными поисками.

Почему автор, писавший прозу в лучших традициях русской литературы, взялся вдруг философствовать? Возможно, понял, что всё, что он делает и как он смотрит на вещи, — было И. И решил не терять великой прерогативы мыслить, сведённой к калькированию уже данных норм. Решил мысль, без того спутанную по рукам и ногам, не прятать в образный строй. Решил писать прямо как думает, без того, чтоб выражать это в образах. Мысль, его мысль, которой век жизни, — рвала наружу. Ей надоело говорить нормированно, сдерживая себя. Всё стерпеть можно, всё потерять можно, но «если у тебя отнимут душу!» — вот её неожиданный вскрик — всё, крак!

И — душа обнажилась. В выпыхах «Эхо и Его».

Но, не отважившись на «Его» чистое, сопрягая себя с «Эхо», которое голос мира. Однако в реальности выйти из всеместа хотя бы частично — подвиг. Критик А. Суворов замечательно перед двойственностью амплуа Блудилина-Аверьяна тем, что отнёс его одновременно к «ниспровергателям основ» и к «консервативному традиционализму». «Его» автора ссылаются постоянно на «Эхо», кое эпоним ценностей мира сего. Угнетённая душа почувала, что пришла пора кризиса содержания жизни, которое, как ни верь, пошло; надо менять его, ведь новое не рождалось в старом. Новое брате пара в абсолютном, после того как его, абсолютное, то есть Бога, убила наука с нравственностью (вспомним Канта, пославшего Бога в трансцендентальное с трансцендентным, прощя, к чёртовой матери, и Толстого с его «Бог есть добро», свёдшим сатериологию к моральному агитпропу). Новое — в Абсолюте и как моральному агитпропу). Гранью добра и зла, вник Блудилин-Аверьян, — в Боге, перед которым общение с его здоровым смыслом мелко и, знаем, греш-

но виной первородных грехов. Вник — и напал на позитивизм, олицетворивший пороки мышления. Позитивизм как научный подход к явлениям жизни больше столетия, с началом промышленной революции, был господствующим настроением прогрессистов, веривших, что пора человеку не путаться с непонятными силами, а самому творить разумом. Позитивизм нёс в мышление то, что Ницше звал «дерзкой ясностью», основанной на «clare et distincte» («ясности и отчётливости») Декарта, родоначальника рационализма, сравнившего Бога, то есть тайну и непознаваемое, с отвлечённым понятием. Позитивизм вторгнулся в искусство натурализмом и социологией, жёсткими жизнь прожекатором позитивных идей. Позитивизм считал: лишь эмпирически ценна мудрость истинна; ценен лишь образ жизни, основанный на эмпирическом трезвом взгляде, прочее от лукавого. Битвой с позитивизмом пронизаны «Эхо и Его». Правильно: мировоззрение, раснимающее человека рабом догм науки, — преступно. Начало позитивизма в раю: отказываться от непознаваемого, то есть от Бога, сдаться во власть приходящих, нудящих знаний добра и зла о вещах, как сделала Ева с Адамом, — это позитивизм. Обоготворяемая необходимость в природе приводит к обоготворяемому должеству в мышлении. Необходимость — сестра должна; становления; и та и предполагают норму. Блудилин-Аверьян каким-то образом это понял (подчёркивая, каким-то) и выступил против позитивизма. Периоды его книг полны пафосом этой борьбы, проистекающей под вдохновенным влиянием Серебряного века. «Опять глубины, — пишет он по поводу некоего открытия Мерезковского. — Вот этим интересен для меня серебряный век: он бесстрашно взламывал такие те же, о которых даже наедине с собой помыслить страшно!» Блудилин-Аверьян искать стал не человеческой правды, но правды о человеке. Вот он о Честертоне: «С каким полётом мысли, с каким лёгким филологическим дыханием скажано! с какой естественной свободой! с каким пониманием! Человек, достигший такомо понимания вещей, — человек воистину счастливый; его чувства глубже, его взгляд острее; его жизнь интересней, полнее, живее». Как характерное выделенное курсивом, подчёркнуто: «пониманием». В

этом искренняя, пылкая, чистая страсть достичь такого же понимания мира. От позитивизма в национальной форме марксизма-ленинизма, полагающего на него печать точно так же, как на всю Россию и на многие умы Запада, автор стремится к высшему. Он себя поучает: «Нельзя, нельзя не думать о системе последних ценностей и всеобщего бытия, и своего личного бытия, неразрывно связанных! Можно ли свою единственную жизнь отдавать за дурацкую демократию какую-нибудь, за торжество того или иного политика!»

Блудилин Игорь Михайлович (лит. псевдоним Игорь Блудилин-Аверьян). Родился в 1946 в Крыму. Окончил в 1964 г. Московский горный институт. Работал горным инженером на угольных шахтах в Мосбассе, в Донбассе, на медном руднике в Казахстане, на урановых рудниках в Германии. Кандидат наук. Член Союза писателей России, автор журналов «Москва», «Наш современник», «Немига литературная» (г. Минск), «Нёман» (г. Минск), «Российская Федерация сегодня», «Проза», «Московский вестник» и др., газет «Литературная газета», «Литературная Россия», «Парламентская газета», «Российский писатель», «Московский литератор» и др. Автор книг «Совестное движение сердца», М., МИГЭК, 2004, и «Эхо и Его», М., МИГЭК, 2006. Прозаик, публицист, литературный критик, лауреат литературной премии им. С.Есенина, награждён Золотой Есенинской медалью Московской областной организации СП России и газеты «Московия литературная». Скончался в 2009 году в Москве.

визма, столкнувшегося с проблемами, вынужденный объявить об «открытости» и необходимости внимания даже к метафизике. Автор не на словах, но кожей вдруг почувал, что личное бытие и всеобщие имеют одни и те же корни. Это великий шаг. Это, если хотите, шаг от антропоцентризма к где-то рядом. Что есть антропоцентризм, первый поворот к коемму сделан Сократом, а второй Кантом — и который, по большому счёту, Ницше окрестил «человеческим, слишком человеческим» («Menschliches, Allzumenschliches»). Это пре-

рашение перед разумом, базирующееся на идее необходимости. Если и Зевс невольник Необходимости, а библиейский Бог в устах философов следует «закону своей природы», тем более человек должен стать под ранжир законов и их послужителем. А поскольку знание сих законов даёт человеку не воображение и не память о рае (где вопросы о добре и зле, мучившие Блудилина-Аверьяна, возникли), но даёт их «дерзкая вознисть» разуму, жадно ищущему всеобщего и необходимого, которое есть законы, разум делается царём и задвигает неразрешаемые вопросы в область «вещи в себе» и трансцендентного.

В итоге человек, не могущий прибавить себе рост ни на вершок, одско как-то созданный во всей сложности, отправляет Творца на кулички и начинает пропать «добро» как основу прогресса, устанавливая опре- делённый, научно-моральный взгляд на вселенную, на общество, на сексуальные отношения, на философию — «слу- жанку науки», на всё. Как человек жил в эру Горгон или в Средневековье — забыто. Темные области истории зачёркивались ради уяснения того, что высшая стадия человеческого развития в сайентизме и в открытии Microsoft. Пишется литература, рассматриваемая образцом должного мышления. Воспитываются когорты и армии просвещённого человечества, для которых некое-

да внешне табу стали содержанием совести, одно приветствующей, другое хулящей, одно развивающей в ущерб другому. Хотя у жизни, как она создана Тем, Кто знает, что делает, нет ни совести, ни стыда.

Это Блудилин-Аверьян понял. Понял по-своему. «Наука, — пишет, — в своём плохом возмелечивании факта и игнорировании таинственного как составного элемента жизни приводит к обеднению Картины». И когда дальше пишет он про свою жажду «последних ценностей», это не ценности позитивизма, опи-

рающиеся на «добро», вколоченное столетиями и апробированное отцом «второго антропологического поворота» Кантом. Блудилин-Аверьян ищет «глубин», как сам признал, ищет там, где «взбаламучено», где поднята муть со дна, где уже нет «clare et distincte».

Нужно ль жизнь свою, сущностью, изначально не знающую стыда и совести, подвергать под человека вообще, под проклятого умозрительного «das Man», под нормы, под «скоп»? Этот вопрос ставился им после мучительных колебаний, может быть, ночью, когда «ясность с отчётливостью» поглощаются бездной, стирающей положительные идеалы, формы, законы, императивы и выставляющей в странных снах таинственную илзанку «вещи в себе». О причинах не спрашивать оптимистичный самодовольный «скоп». О причинах спрашивает страдание. «Эхо и Его», при всём видимом здравомыслии, при всей выдерживаемой традиционной стилистике, полна внутреннего напряжения, попыток выбраться из тысячелетних догм. А это трудно. Это безумно трудно.

То есть, для этого нужно быть безумным и от умозрительной философии перейти к экзистенциальной, доверившись «единственной своей жизни», о какой печаловался и какую съиряет молот традиций. Автор же — слишком в мундире традиций. Не зря сказал Ба-

лашов, поэт и мыслитель, что книге не хватает полёта, крыльев. Недаром структура книги — комментарий к цитатам, в духе конфиданца, известного тем, что вместо вольной и не сдерживаемой философии написал составленным толкований к классическим сочинениям. Недаром самый личный, наименее склоняющийся перед благопристойностью, самый свободный раздел книги — так называемое «Из дневника», где умоляет «Эхо» и начинает говорить в полный голос «Его». Ведь, может, совесть и стыд — грех-то и есть, по Кьеркегору, считавше-

ею. Но бдительное «Эхо» мешается с одной стороны, оно как трамплин в трансцендентное, с другой — часто трамплин сомнительный. Так, в первом выпуске «Эхо и Его» чрезмерно много посвящается анализу Шагина. Странно для человека, знакомого с плеядой свободнейших и менее позитивных умов, выбрать трамплином достаточно умную и довольно талантливую в быденном смысле личность. Такой интерес объясняется, может, тем, что Шагин и есть элемент «Эхо», которое автор пытается вырвать из себя любой ценой, — как часто мы, например, не любя что в себе, стоим меж тем перед зеркалом, вскармливая свою ненависть.

И вот, рядом с фразами о том, что «личность — выше толпы, выше коллектива» и что «до Большого Мира и как о устроено, мне никакого дела не было. Да и сейчас нет», рядом с этим находят приют долгие публицистическо-политического характера, то есть опять же обезвешенные, в общепринятых терминах, рассуждения о глобализме, современном мире, России и исторической ситуации. То показывается миру кукиш, как показывал его «подпольный человек» Достоевского, — то перед нами критиканствующий интеллектуал, имеющий вполне позитивные решения проблем и забывший, казалось, что делал заявки на постижение «глубин». То апология государства, против которого либералы поднимают «визг» во многие «децибелы», — то мысль, что всюду, где «властвует большинство — там мертвечина, корпоративность, попрание справедливости, угнетение личности». Как будто государство — не вотиорванный выбор большинства. То сожаление, что Ксенофонт не вставил в свою фразу упоминание о «Тонком Мире», — то вдруг флистерское заявление по поводу Гиппиус, что «в... тонких различиях есть что то нездоровое, психопатическое, лихорадочное». Как будто сам только что не бежал от здорового, уравновешенного с его набором банальностей — к аномальному, начиная с безумца Христа, с психопатического Достоевского, с колелбующего и преданного анафеме Толстого, с большого Паскаля и пр.

«Ясность и отчётливость» есть среда обитания ненавистного Блудилину-Аверьяну «скопа» с его стандартами. Как раз та же, безумие, хворь, которую восхвалял Паскаль, благо-

дарный ей за постижения, есть мир Бога, властителя безды, оставленного мудростью мира ради «ясного и отчётливого»; это мир Бога с его юродивыми, пророками, с Ницше, тоже в болезни вышедшем за пределы позитивизма. Развонезо, впрочем, суть его мира. Заслуга Блудилина-Аверьяна — в стремлении вырваться. А для этого, сам он дал наёмк, нужно найти Бога — не Бога морали, но Бога Живого.

Что мешает? Неверие. От неверия — но и от недовольства обыденным и от жажды живых истин, проламывающихся сквозь лес «положительных идеалов», постоянное по всей книге: «бился. Думать», «недодуманно», «думать». Может быть, и додуманно, — но «положительные идеалы» требуют благоприятности в мыслях и в выражениях. Однако благоприятности и есть те самые «clare et distincte», образы нестерпимого бытия, которое хочет не счастья индивида, но умозрительного, отвлечённого счастья «скопа». Тогда как путь к истине ведёт через безобразное, взять кошмары Голгофы.

Великие веки в индивидуальной судьбе начинаются, когда осмелеваемся переименовать «добро» в то, что раньше считали «злом». Неверие в это мешает Блудилину-Аверьяну и выдает лукавство всех его «недодуманно», «думать». «Если б я верил в Бога и дьявола, мне было бы легче писать», — роняет он.

Лукавство! Всё-таки верит — но больше себя в виде «добро», предложенного как плод с древа познания в ущерб плодам с древа жизни (сказал змей змея: «ваз дань, в который вы вкушите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло», Быт., гл. 3, 5). Остаётся поверить теперь и Богу, раз хочется жизни, да и сам Блудилин-Аверьян знает, что истинный прогресс — это движение к осознанию Божественного в себе, к познанию тайны жизни, к служению высшему в себе».

Пусть падать в бездну — удел героев. Но Блудилину-Аверьяну назад пути нет. Нет уже пути назад ни в переносном, ни в прямом смысле. В своём «Эхо и это» он вышел бесповоротно в мир новых измерений. И оставил нам урок.

Урок того, что свобода — не в выборе меж «добром» и «злом»; это как раз неволю. Свобода — это как раз то, что всё тебе было, как Бог, «добро зело». Свобода — это неограниченная возможность.

Игорь НИКОЛЕНКО